

УДК 343.9

И.С. СКИФСКИЙ,*кандидат юридических наук, доцент**Тюменский государственный нефтегазовый университет*

ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

В статье представлены результаты количественного исследования роли политической стабильности в детерминации противоправного поведения. Автор анализирует криминологически значимые каузальные связи между указанным фактором и совершением преступлений с агрессивной, корыстной и коррупционной мотивацией в современной России. Рабочие гипотезы, сформулированные в работе, проверяются с использованием статистических моделей, которые получают качественную, в том числе сравнительную интерпретацию. Выявлено, что политическая стабильность в стране не входит в число определяющих криминогенных феноменов.

Ключевые слова: преступность; насилие; коррупция; политическая стабильность; статистика; моделирование.

Причинный комплекс криминального поведения многообразен и не является величиной постоянной – его состав регулярно изменяется под влиянием политических реформ, социально-экономических преобразований и законодательных новаций. Тем не менее анализ новейшей учебной и специальной литературы показывает, что стратегия исследования детерминант преступности по-прежнему заключается в тривиальном перечислении, интуитивном ранжировании, разной по глубине характеристике и обобщающей оценке отдельных криминогенных условий. Среди таковых часто называются общий экономический кризис, инфляция, низкое качество жизни, поляризация населения по уровню доходов, этнорелигиозные конфликты, последствия стихийной миграции и глобализации, коррупция, безработица, падение производственной активности, алкоголизм и наркомания, распространение «теневого экономики», снижение профессионального уровня сотрудников правоохранительных органов и т.д. По мнению автора, такой (качественный, описательный) подход имеет существенные недостатки, выражающиеся в том, что он не отражает реального «веса» каждого детерминирующего фактора в генезисе отрицательной девиантности и не учитывает изменений пространственно-временного континуума [1, с. 66]. Напротив, применение в криминологических целях статистических методов и моделей позволяет измерять силу влияния тех или иных социальных явлений и процессов на интенсивность противоправного поведения в изучаемом периоде.

Результаты количественных исследований насильственной преступности в современной

России [1–5] доказывают, что данный вид общественной патологии чувствителен к изменениям в динамике неравенства в распределении доходов населения, потребления алкоголя, деструктивных аддикций, а также численности осужденных, отражающей слабую эффективность государственного принуждения в профилактике уголовного рецидива. Именно указанные факторы главным образом определяют фактически увеличивающийся, но статистически занижаемый [6, с. 29–35] уровень совершаемых в стране посягательств с агрессивной мотивацией. В научных публикациях обращается внимание и на другие криминогенные условия. Так, по мнению ряда криминологов, наблюдаемая в стране политическая нестабильность играет заметную роль в детерминации не только коррупционных правонарушений, политической, организованной и корыстной преступности [7, с. 17; 8, с. 47; 9, с. 50–68], но и криминального насилия [10, с. 10; 11, с. 16; 12, с. 32]. Академик РАН В.Н. Кудрявцев и профессор В.Е. Эминов, специально изучавшие причины преступности в России, также подчеркивают, что политическая нестабильность обострила до предела экономическую и социальную ситуацию, привела к массовым убийствам, активизации вооруженных банд, к нападению на жилища людей и их разграблению, к агрессии на почве национализма [13, с. 65–66]. На основе обобщения изысканий, выполненных на качественной методологической платформе, автором были сформулированы рабочие гипотезы о том, что между политической стабильностью и отдельными видами уголовно-наказуемых деяний существуют криминологи-

чески значимые и статистически достоверные каузальные связи.

Обратимся к модели преступности, введенной в научный оборот профессором С.Г. Ольковым: $y = f(x_1, x_2, x_3 \dots x_n)$, где y – соответствующий уровень общественной патологии (зависимая переменная); $x_1, x_2, x_3 \dots x_n$ – разнообразные биологические, природные и социальные явления и процессы, объясняющие отклоняющееся поведение (независимые переменные) [14, с. 35]. Определяющая роль принадлежит группе социальных факторов, которые подлежат криминологическому моделированию для измерения их влияния на динамику отрицательной девиантности. В контексте исследования в качестве зависимых переменных y рассматриваются наиболее распространенные в современной России посяательства на жизнь, здоровье, собственность граждан, а также преступления против государственной власти, интересов службы в коммерческих и иных организациях:

- переменная y_1 – насильственная преступность – совокупность показателей, характеризующих уровень убийств, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью и изнасилований;

- переменная y_2 – корыстная преступность – образована из показателей, иллюстрирующих уровень краж, грабежей, разбоев, присвоений (растрат), мошенничества, вымогательства;

- переменная y_3 – коррупционная преступность – массив показателей, описывающих уровень взяточничества, злоупотребления полномочиями, должностными полномочиями, коммерческого подкупа.

Исходные данные сформированы из официальной статистической информации Росстата и МВД России.

Независимая переменная x представлена политической стабильностью, разнообразные формы которой не позволяют сформулировать универсальную дефиницию этого сложносоставного феномена. По мнению А.И. Соловьева, понимаемая как отсутствие нестабильности, эта характеристика предполагает широкий спектр состояний политической материи: от отсутствия войн и угрозы внешней экспансии до наличия определенных социальных индикаторов, обуславливающих привычный уровень жизни населения и воспроизводство сложившегося характера

общественных отношений [15]. С.Д. Савин, рассматривающий обсуждаемый фактор в условиях изменяющегося социума, указывает, что политическая стабильность означает устойчивость политической системы при сохранении таких параметров, как наличие минимальной преемственности и легитимности, дееспособности власти, существование политической культуры, разделяемой большинством членов общества [16, с. 85–86]. Для количественного выражения независимой переменной x обратимся к информации Всемирного банка «*World Governance Indicators*» (WGI), включающей 6 индикаторов, в том числе «*Political Stability & Absence of Violence*» (PSaAV) – «Политическая стабильность и отсутствие насилия» [о рейтингах-индикаторах Всемирного банка см.: 17, с. 336–344]. В общем виде этим показателем измеряется восприятие вероятности дестабилизации или поражения политического курса правительства антиконституционными методами, включая политически мотивированное насилие. Он рассчитывается на основе сравнительных опросов экспертов, граждан и предпринимателей, проводимых различными авторитетными национальными и международными организациями. Обобщению подвергаются множественные индивидуальные рейтинги, которые используются для оценки политической стабильности в государстве, как то: устойчивость управления; внутренние и внешние конфликты; напряженность международных отношений; риски военного переворота, масштабного гражданского сопротивления и городских беспорядков; социальные волнения и противоречия на этнической, национальной, религиозной почве и пр. Значение индекса находится в интервале от – 2,5 до + 2,5, чем больше его величина, тем выше политическая стабильность. По состоянию на 2011 г. значение PSaAV для нашей страны составило – 0,89. Согласно процентильной шкале (от 0 до 100), среди других стран Российская Федерация имеет рейтинг 18,4, незначительно опережая Египет (17,9), Таджикистан (17,4), Гаити (17) и Кыргызстан (16,5).

Для проверки рабочих гипотез автором был выполнен парный регрессионно-корреляционный анализ временных рядов с 1998 по 2010 гг., в том числе их сокращенных вариантов. Приведем краткие методологические пояснения: R^2 – коэф-

коэффициент детерминации, отражающий близость значений линий тренда к фактическим данным (принимает значение от 0 до 1). Чем больше величина этого показателя, тем достовернее линия тренда; R_{yx} – коэффициент парной корреляции, иллюстрирующий тесноту связи двух явлений. Когда между ними устанавливается положительная связь, то есть $R_{yx} > 0$ – зависимость прямо пропорциональная; при наличии отрицательной связи ($R_{yx} < 0$) – зависимость обратно пропорциональная; F -критерий Фишера – индикатор значимости всего уравнения в целом. Проверка адекватности модели проводится посредством расчета данного показателя и его сопоставления с табличным (критическим) значением. Если при сопоставлении $F_{\text{расч.}} > F_{\text{табл.}}$, то уравнение считается значимым.

Обобщение итогов моделирования социальной патологии позволяет признать, что при прочих равных условиях снижение политической стабильности в стране может выступать фактором, провоцирующим противоправное агрессивное поведение. Так, при изучении сокращенного временного ряда (2003–2010 гг.) автором выявлена заметная обратно пропорциональная зависимость между переменными y_1 и x , описываемая уравнением $y_1 = -51,801x + 29,004$ при $R^2 = 0,62$, $R_{yx} = -79\%$, $F(1, 6) = 9,93$ (рис. 1). Из данного уравнения следует, что гипотеза получила подтверждение – при увеличении уровня анализируемого

фактора на 0,1 уровень криминального насилия в России в среднем сокращается на 5,1 тыс. деяний.

Слабоэффективные управленческие решения, принимаемые некомпетентными властными субъектами, все чаще воспринимаются населением как очередные иллюстрации недееспособности действующих политических и правовых институтов. В условиях возрастающей социальной напряженности массовый характер приобретает принуждение, оно становится средством реализации государственных функций, способом разрешения внешних и внутренних противоречий, инструментом для подавления интересов меньшинства, оппозиционных сил, протестных настроений. Нормой российской действительности стали криминальная агрессия на национальной и религиозной почве, толерантность к бесчисленным фактам бытового насилия, его применения в отношении женщин и детей, жестокость в полиции, армии, в образовательной среде и т.д. В связи с этим разработка эффективных программ сдерживания крайних проявлений отклоняющегося поведения является первоочередной задачей органов и учреждений профилактики девиантности на всех уровнях правового регулирования.

Общая гипотеза о существенной роли политической стабильности в детерминации посягательств с корыстной мотивацией не подтвердилась – между переменными y_2 и x статистически достоверных связей не установлено ($R^2 = 0,005$,

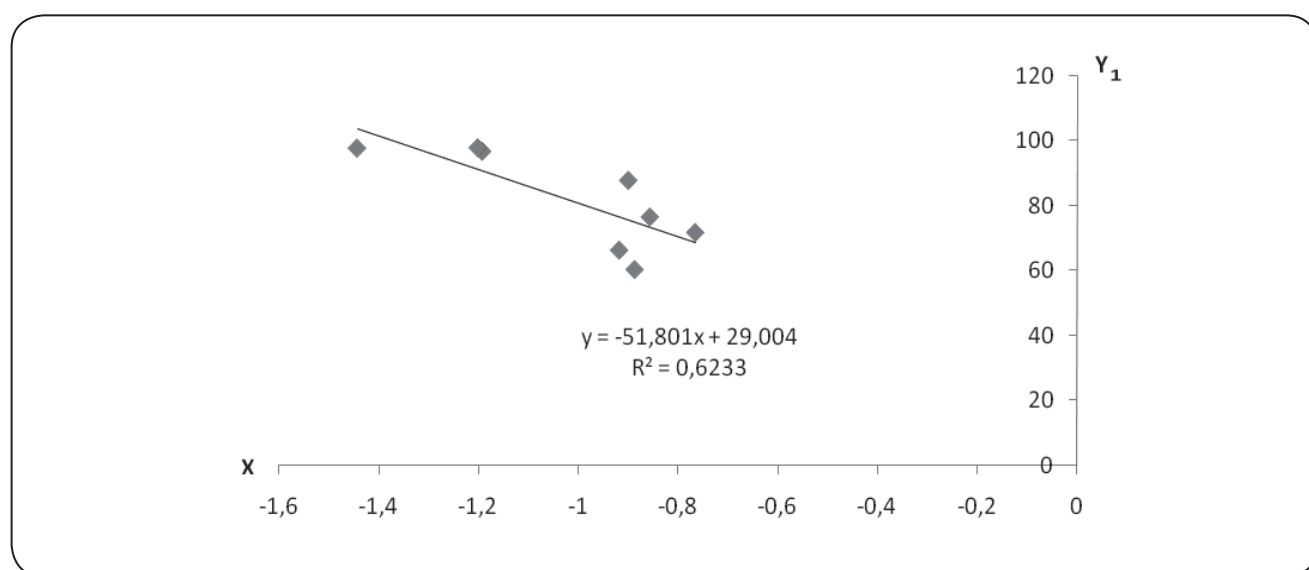

Рис. 1. Связь между насильственной преступностью и политической стабильностью в России (2003–2010 гг.)

$R_{yx} = 6,9\%$). Количественные параметры частных моделей для структурных составляющих рассматриваемой криминологической группы свидетельствуют о том, что отрицательные изменения переменной x незначительно отражаются на уровне вымогательства ($R_{yx} = -49\%$) и разбойных нападений ($R_{yx} = -41\%$), т.е. преступлений, объективная сторона которых характеризуется применением насилия или его угрозой. Напротив, стабилизация указанного фактора может негативно сказываться на динамике «интеллектуальных» форм хищения – присвоений, растрат ($R_{yx} = 33\%$) и мошенничества ($R_{yx} = 44\%$).

Между переменными y_3 и x установлена слабая положительная связь ($R^2 = 0,25$, $R_{yx} = 50\%$), однако модели, построенные на основе сокращенных временных рядов, демонстрируют более высокие показатели статистической достоверности и позволяют признать соответствующую гипотезу верифицированной. Так, между переменными (2003–2010 гг.) выявлена заметная положительная связь: $y_3 = 6,1351x + 27,398$ при $R^2 = 0,54$, $R_{yx} = 74\%$, $F(1, 6) = 7,07$. Из данного уравнения следует, что при изменении уровня анализируемого фактора на 0,1, уровень коррупционных преступлений в России в среднем увеличивается на 0,6 тыс. деяний (рис. 2). С первого взгляда данные результаты исследования выглядят неожиданными. Казалось бы, в криминологическом контексте с повышением уровня политической

стабильности следует связывать наступление социально благоприятных последствий, в том числе сокращение преступности. Однако обнаруженная между переменными прямо пропорциональная зависимость свидетельствует об обратном, в связи с чем требуется дополнительная интерпретация.

В коллективной работе «Криминология – XX век» профессор Б.В. Волженкин писал: «Редкое выступление политических или государственных деятелей России в последние годы обходится без упоминания коррупции, призывов к усилению борьбы с ней. Обвинения в коррупции оппонентов стали распространенным средством политической борьбы, способом приобретения соответствующего имиджа неподкупного чиновника и непримиримого борца с коррупцией. Однако внимательное изучение криминальной ситуации, законодательства и других принимаемых мер позволяет утверждать об отсутствии должной политической воли, продуманности и последовательности в решении вопросов борьбы с коррупцией» [18, с. 375–376]. Приходится признать, что приведенная цитата наилучшим образом подходит для криминологической оценки состояния коррупционной преступности в нашей стране за последние 10 лет. Специальные исследования показывают, что в России наблюдается институционализация коррупции, закрепление нелегальных практик в организационно устойчи-

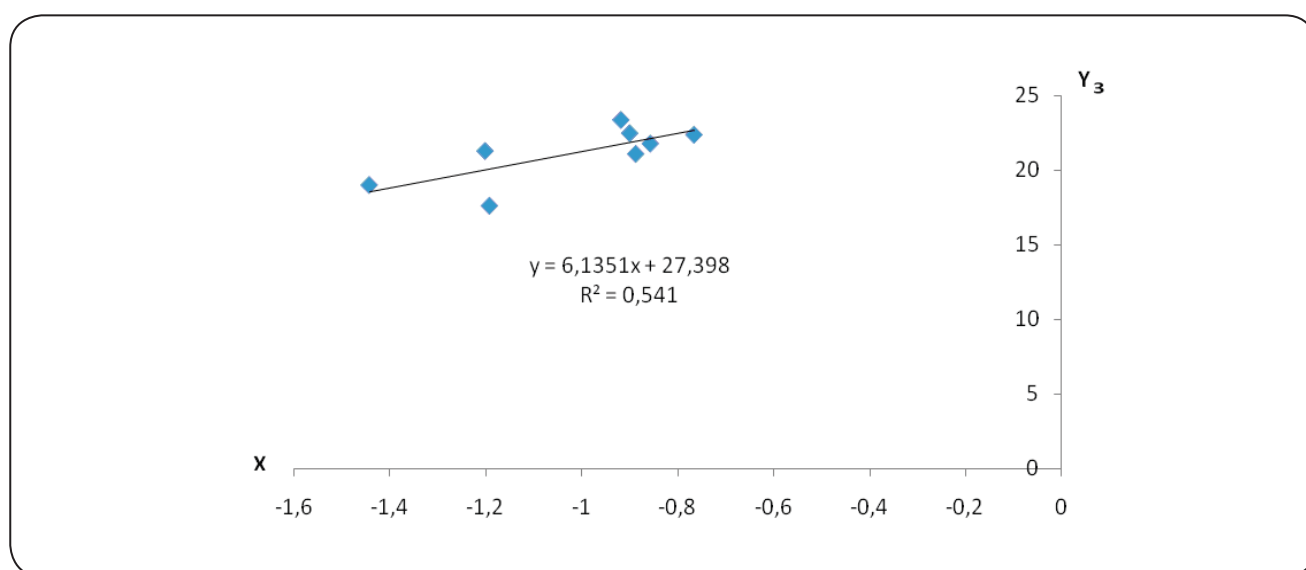

Рис. 2. Связь между коррупционной преступностью и политической стабильностью в России (2003–2010 гг.)

вых формах не только в публичной, но и в частной сфере, при которых единичные противоправные акты сменяются регулярными действиями, совершаемыми в соответствии с определенными, ранее оговоренными правилами [19].

Известный российский криминолог профессор В.В. Лунеев отмечает, что основная забота коррумпированной бюрократии, которая строится на «классовой» взаимопомощи, на круговой поруке, состоит в латентности действий. Коррупция представляет собой симбиоз неоснованной монополии власти, дискреционных полномочий чиновников и отсутствия жесткой правовой подотчетности [20, с. 468–469]. Несменяемость власти сопровождается дефицитом организационного и социального контроля над субъектами коррупционных правонарушений, позволяющее им принимать управленческие решения, не соответствующие нормативному типу правового регулирования, отдавая предпочтение благоприятным условиям профессиональной микросреды. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. по заказу Всемирного банка Фондом ИНДЕМ под руководством А.Г. Сатарова было проведено социологическое исследование коррупции в России. Одной из ключевых тем в работе выступают так называемые коррупционные сети, деятельность которых проявляется в формировании взаимосвязей и взаимозависимостей между чиновниками по вертикали управления в одном ведомстве и по горизонтали между другими ведомствами. Они направлены на систематическое совершение коррупционных сделок, распределение бюджетных средств в пользу участвующих структур, повышение прибылей или получение конкурентных преимуществ финансово-кредитными и коммерческими организациями. Эксперты отмечают, что в стране происходит постоянное расширение коррупционных сетей через углубление и совершенствование коррупционных связей [21]. Очевидно, что в таком контексте политическая устойчивость на всех уровнях власти обладает мощным криминогенным потенциалом, значительно повышая успешность осуществления криминальных намерений в системе правоотношений с обязательным государственным участием.

Наши расчеты показывают, что агрессивная и коррупционная формы противоправного поведения по-разному чувствительны к изменению

политической стабильности в стране, которая тем не менее не входит в число определяющих криминогенных факторов. Примечательно, что корреляционный анализ рейтингов *WGI*, выполненный Фондом ИНДЕМ в ходе исследования судебной власти в России, позволил экспертам сделать вывод, что лелеемая многими политиками и гражданами политическая стабильность оказывается всего лишь следствием иных обстоятельств, но совсем не условием для чего бы то ни было [17, с. 343]. В связи с этим представленные результаты моделирования следует рассматривать как промежуточные итоги исследования роли указанного феномена в детерминации преступности, требующие уточнения при криминологической оценке других каузальных связей.

Список литературы

1. Скифский И.С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование. – Тюмень: Вектор Бук, 2007. – 276 с.
2. Ольков С.Г. Влияние степени неравенства в распределении доходов населения на уровень умышленных убийств // Актуальные проблемы экономики и права. – 2011. – № 1(17).
3. Ольков С.Г. Насильственная преступность в России: сущность, тенденции, закономерности, преступники и жертвы, ущерб и противодействие // Публичное и частное право. – 2010. – № 5.
4. Скифский И.С. Динамика численности осужденных как фактор совершения насильственных преступлений в России // Российский следователь. – 2008. – № 7.
5. Скифский И.С. Алкогологические факторы насильственной преступности в России // Российское право в Интернете. – 2009. – № 5.
6. Скифский И.С. Снижается ли в России уровень насильственной преступности? // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2011. – № 2.
7. Кабанов П.А. Криминологический анализ основных политических причин, детерминирующих политическую преступность // Российский следователь. – 2007. – № 19.
8. Ковбенко Н.Д. Причины и условия, детерминирующие мошенничество // Российская юстиция. – 2008. – № 3.
9. Лазарев Е.А. Коррупция и политическая стабильность: институциональная перспектива // Полития. – 2011. – № 1.
10. Акимова Н.В. Исторические аспекты вооруженного насилия // История государства и права. – 2008. – № 20.
11. Булаев М.И. Детерминанты рецидивной преступности // Российский следователь. – 2007. – № 13.
12. Гамидов Р.Т. Факторы, способствующие применению насилия в отношении представителя власти // Российский следователь. – 2008. – № 6.
13. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России: Криминологический анализ. – М.: Норма, 2006. – 112 с.

14. Ольков С.Г. Аналитическая криминология (курс лекций): учеб. пособие. – 2-е изд., доп. и испр. – Казань: Познание, 2008. – 460 с.
15. Соловьев А.И. Политическая стабильность в социокультурном измерении: российские иллюстрации // Государственное управление. Электронный вестник. – Вып. 1. – 23 сентября 2003 г.
16. Савин С.Д. Политическая стабильность в изменяющемся обществе: дис. ... канд. социол. наук. – СПб., 2003.
17. Трансформация российской судебной власти / А.К. Горбуз, М.А. Краснов, Е.А. Мишина, Г.А. Сатаров. Опыт комплексного анализа. – СПб.: Норма, 2010. – 480 с.
18. Волженкин Б.В. Коррупция в России // Криминология – XX век / под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2000. – С. 354–390.
19. Мусаелян М.Ф., Хатаева М.А. Правовые проблемы противодействия коррупции // Журнал российского права. – 2012. – № 1.
20. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2-х т. Т. II. Особенная часть. – М.: Юрайт, 2011. – 872 с.
21. Диагностика российской коррупции: Социологический анализ. – М.: Фонд ИНДЕМ, 2001.

В редакцию материал поступил 10.04.12

Информация об авторе

Скифский Иван Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский государственный нефтегазовый университет
Адрес: 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38, тел.: (3452) 20-84-56
E-mail: skifsky@mail.ru

I.S. SKIFSKIY,

PhD (Law), Associate Professor

Tyumen State Oil and Gas University

CRIMINALITY IN RUSSIA IN THE MIRROR OF POLITICAL STABILITY

The article presents the results of a quantitative research of the role of political stability in determining the unlawful behaviour. The author analyzes the criminologically significant causal links between the mentioned factor and committing crimes with aggressive, mercenary and corruptive motivation in modern Russia. The hypotheses formulated in the work are tested with the help of statistical models which are interpreted quantitatively, in particular, comparatively. It is revealed that the political stability in the country is not a determining criminogenic phenomenon.

Key words: criminality; violence; corruption; political stability; statistics; modeling.

References

1. Skifskii I.S. *Nasil'stvennaya prestupnost' v sovremennoi Rossii: ob "yasnenie i prognozirovanie* (Violent crime in modern Russia: explanation and predicting). Tyumen': Vektor Buk, 2007, 276 p.
2. Ol'kov S.G. Vliyanie stepeni neravenstva v raspredelenii dokhodov narodonaseleniya na uroven' umyshlennykh ubiistv (Influence of the level of income inequality on the level of voluntary manslaughter), *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2011, No. 1(17).
3. Ol'kov S.G. *Nasil'stvennaya prestupnost' v Rossii: sushchnost', tendentsii, zakonomernosti, prestupniki i zhertvy, ushcherb i protivodeistvie* (Violent crime in Russia: essence, trends, mechanism, criminals and victims, harm and counteraction), *Publichnoe i chastnoe pravo*, 2010, No. 5.
4. Skifskii I.S. Dinamika chislennosti osuzhdennykh kak faktor soversheniya nasil'stvennykh prestuplenii v Rossii (Dynamics of the number of convicted persons as a factor of violent crimes committing), *Rossiiskii sledovatel'*, 2008, No. 7.
5. Skifskii I.S. Alkologicheskie faktory nasil'stvennoi prestupnosti v Rossii (Alcohol factors of violent crimes in Russia), *Rossiiskoe pravo v Internetе*, 2009, No. 5.
6. Skifskii I.S. Snizhaetsya li v Rossii uroven' nasil'stvennoi prestupnosti? (Is the level of violent crimes reducing in Russia?), *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, 2011, No. 2.
7. Kabanov P.A. Kriminologicheskii analiz osnovnykh politicheskikh prichin, determiniruyushchikh politicheskuyu prestupnost' (Criminological analysis of political reasons determining political crimes), *Rossiiskii sledovatel'*, 2007, No. 19.
8. Kovbenko N.D. Prichiny i usloviya, determiniruyushchie moshennichestvo (Reasons and conditions determining fraud), *Rossiiskaya yustitsiya*, 2008, No. 3.
9. Lazarev E.A. Korruptsiya i politicheskaya stabil'nost': institu-tsional'naya perspektiva (Corruption and political stability: institutional prospect), *Politika*, 2011, No. 1.

10. Akimova N.V. Istoricheskie aspekty vooruzhennogo nasiliya (Historical aspects of armed violence), *Istoriya gosudarstva i prava*, 2008, No. 20.
11. Bulaev M.I. Determinanty retsidivnoi prestupnosti (Determinants of repeated crime), *Rossiiskii sledovatel'*, 2007, No. 13.
12. Gamidov R.T. Faktory, sposobstvuyushchie primeneniyu nasiliya v otnoshenii predstavatelya vlasti (Factors promoting violence towards an official), *Rossiiskii sledovatel'*, 2008, No. 6.
13. Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. *Prichiny prestupnosti v Rossii: kriminologicheskii analiz* (Reasons of crime in Russia: criminological analysis). Moscow: Norma, 2006, 112 p.
14. Ol'kov S.G. *Analiticheskaya kriminologiya* (Analytical criminology). Kazan: Poznanie, 2008, 460 p.
15. Solov'ev A.I. Politicheskaya stabil'nost' v sotsiokul'turnom izmerenii: rossiiskie illyustratsii (Political stability in socio-cultural aspect: Russian illustrations), *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik*, 2003, No.1.
16. Savin S.D. *Politicheskaya stabil'nost' v izmenyayushchemsya obshchestve* (Political stability in the changing society). Saint Petersburg, 2003.
17. Gorbuz A.K., Krasnov M.A., Mishina E.A., Satarov G.A. *Transformatsiya rossiiskoi sudebnoi vlasti. Opyt kompleksnogo analiza* (Transformation of the Russian court power. Experience of complex analysis). Saint Petersburg: Norma, 2010, 480 p.
18. Volzhenkin B.V. Korruptsiya v Rossii (Corruption in Russia), *Kriminologiya – XX vek*. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2000, pp. 354–390.
19. Musaelyan M.F., Khataeva M.A. Pravovye problemy protivodeistviya korruptsii (Legal issues of corruption counteraction), *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2012, No. 1.
20. Luneev V.V. *Kurs mirovoi i rossiiskoi kriminologii* (A course in Russian and world criminology). Moscow: Yurait, 2011, 872 p.
21. *Diagnostika rossiiskoi korruptsii: sotsiologicheskii analiz* (Diagnosing the Russian corruption: sociological analysis). Moscow: Fond INDEM, 2001.

Information about the author

Skifskiy Ivan Sergeyevich, PhD (Law), Associate Professor of the Chair of Marketing and Municipal Administration, Tyumen State Oil and Gas University
Address: 38 Volodarskogo Str., 625000 Tyumen, tel.: (3452) 20-84-56
E-mail: skifsky@mail.ru
